

УДК 159.9

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

© **Марина Юрьевна ЛЕМЕЩЕНКО**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, соискатель,
кафедра социальной психологии, e-mail: lemechenko71@mail.ru

Произведен историко-психологический анализ литературных источников, касающихся исследуемой проблемы, позволяющий говорить о том, что саморегуляция личности – понятие, сформировавшееся по мере накопления философских знаний и первоначально выжавшее идею о некоей природной внутренней силе человека, способной ограничивать внешние природные нецелесообразности посредством душевных усилий. Проанализировано средневековое имплицитное знание, отождествляемое с целевым разумным поведенческим актом усмирения гордыни и обращенности индивидуальной мотивации к личным и общим представлениям о будущей Вечной жизни. Обобщены: ренессансное представление о личностной саморегуляции, знание Нового времени и эпохи Просвещения, а также знания XIX, XX и XXI вв. о развитии понятия «саморегуляция личности», прошедшие три основных этапа: имплицитный (от античности до средних веков), эксплицитный (эпоха Возрождения, Новое время и Просвещение) и рефлексивный или потенциальный период (XIX и XX вв.).

Ключевые слова: внутреннее бытие; индивидуальная психическая активность; механизмы обратной связи; психологический ресурс.

Уже на заре человечества индивид предполагал в себе наличие некоторых сил, позволяющих контролировать жизненное пространство, удерживая его в границах с наиболее безопасными условиями существования. Со временем он научился распознавать эти силы, анализировать события, связанные с ними, и фиксировать в сознании способы эффективного взаимодействия со средой. Намечая ориентиры по пути движения вперед, человек убедился в необходимости адаптации закономерностей и феноменов психики к индивидуальным потребностям и, решая поставленную задачу, роль позитивного идентификатора реальности отвел саморегуляции – внутреннему ресурсу качественного преобразования жизни. Четко осознавая, что целенаправленное воздействие на собственную смыслополагающую основу – залог поддержания аутодинамического равновесия, он стал стремиться к освоению новых стандартов существования и, опираясь на имеющиеся потенции оптимального функционирования, приблизился к вершинам акме – высочайшему уровню личностного самовыражения, обусловленного эволюционными закономерностями и общественными идеалами современного общества.

Истоки знаний о саморегуляции уходят корнями в далекое прошлое, к периоду формирования философского мышления, где те-

ма скоординированности контролирующей и управляющей деятельности человека являлась элементом идеалистического понимания сущности мира [1]. Краеугольным же камнем ее истории по праву считается трактат Аристотеля «О душе» – основной источник суждений того времени о разного рода психических явлениях. По мнению Аристотеля, именно душа оживляет тело, и только душой намечается цель активности живого тела во всех его согласно работающим жизненных силах. Она одна в соответствии с внешними причинами допускает осуществление телом деятельности определенного типа, заложенного в организм с целью развития, когда растение стремится быть растением, животное быть животным. Но они совместно – и тело, и душа – принимают участие в процессе чувственного познания. И эта их общая способность потенциально заключает в себе восприятие объектов окружающего мира, но при этом лишь душа способна испытывать некоторое движение внутреннего механизма, превращающего возможность в действительность. То есть душа не что иное, как неотделимый от тела организующий принцип, источник и способ регуляции объективно наблюдаемой активности человека. «Душа есть причина как то, откуда движение, как цель и как сущность одушевленных тел» [2].

К разумным способностям души Аристотель относит ум, воображение, стремление и волю – в своем единстве прообраз личностной саморегуляции и важнейший компонент четкого разделения душевной организации на собственно возможности организма и его психологический ресурс. И это несомненное достижение, ведь до Аристотеля немногие философы отдавали должное человеку как существу, наделенному способностью разумного внутреннего регулирования внешних проявлений жизненных событий. Чаще всего индивид представлялся частью Космоса, единого порядка бытия, отражением и символом Вселенной, направляющей человеческие помыслы в соответствии с существующим миропониманием. Аристотель же четко определил, что индивидуальные поступки осознанны, целенаправленны и почти всегда свойственны тому, кто «или стремится уйти, или достигнуть», а это значит «владеющие собой люди, хотя могут иметь влечение и охоту к чему-нибудь, но совершают действия не под влиянием страсти, а следуют предписаниям ума» [3].

По Аристотелю, люди изначально наделены способностью к саморегуляции, механизм которой он описывает, затрагивая вопрос взаимозависимости психических проявлений от телесных процессов: «Когда же тело стремится к удовольствию или неудовольствию, словно утверждая или отрицая, или стремясь чего-то избежать, это испытание удовольствия или неудовольствия становится средоточием чувств, направленных на благо или зло как таковые. Избегание и стремление в действии – также суть деятельности, при этом способность стремления и способность избегания не разнятся ни друг от друга, ни от способности ощущения, но бытие их различно, а суть едина» [3].

В целом психология Аристотеля со всеми ее неточностями, недостатками и погрешностями – революционное произведение, касающееся сущности индивида и наделенности его способностью к саморегулированию жизнедеятельности как актуальной данности. Конечно, непосредственно термин саморегуляция личности в труде еще не звучит, но в нем четко прослеживаются начатки информации, производная от которой легла в основу дальнейших научных изысканий подобного рода, ведь впервые за всю историю

философских знаний автор древней теории душевной организации логично, четко и стройно прояснил вопрос порождения действия, основанного не на желаниях человека, а на разумном решении о его осуществлении, стремясь при этом как можно точнее обозначить силы, обуславливающие дальнейшую индивидуальную психическую активность. И к этим силам могли относиться выбор собственно действия, инициация этого действия и умение властвовать собой. Касаясь побуждений, не связанных со стремлением человека, а иногда и противоречащих ему, он подчеркивал, что размышление является основой разумного решения – избежать ненужного. Выражаясь современным языком, он признал в человеке внутреннюю силу, способную оградить от деструктивных внешних воздействий – личностную саморегуляцию, при этом замечая, что умение адекватно действовать в определенной ситуации вырабатывается упорным трудом в процессе изучения самого себя, других людей и путем разумного отношения к окружающей действительности, потому что «...все, что мы имеем от природы, мы первоначально получаем лишь в виде возможностей и впоследствии преобразуем это в действительность» [2].

Вслед за Аристотелем проникнуть в таинственный мир человеческой личности пытались и философы средневековья. Примечательно, что новое осмысление процесса скоординированности контроля и управления личностными проявлениями они практически полностью укладывали в рамки монотеистической религии, в свете которой индивид выступал как духовно-телесное существо, созданное по образу и подобию Божьему [4].

Ярчайший представитель эпохи теолог и систематизатор ортодоксальной схоластики Ф. Аквинский подчеркивал, что душа – бессмертная животворящая сила человека, нематериальная, но самосушая личностная субстанция, порождающая мысли, чувства и целелогаания, наделается Творцом способностью осознанного выбора подлинно человеческих действий и их регулирования во времени и пространстве, потому как «всегда надлежит стремиться к благу и совершать благое, зла же надлежит избегать» [5]. В его убеждениях коренятся отправные точки некоторой внутренней свободы человека, вытекающей из религиозно-нравственных побуж-

дений и формирующих совладающе-контролирующее поведение и личностную саморегуляцию как таковые.

Подобные имплицитные конструкты личностного саморегулирования обнаруживаются и у Г. Нисского, отмечавшего, что Бог-отец, создавший человека владыкой над всеми земными тварями, имел своею целью подвигнуть Сына к гармоничному соотношению дарованной ему Божественной сущности с уникальными качествами распознавания Добра и Зла и внутренними побуждениями добродетельного земного существования. Иными словами, в человеческой природе он также усматривал присутствие определенного ресурса, позволяющего регулировать собственные чувства и действия в контексте обращенности индивида к собственному же внутреннему бытию и подчиненности этого бытия внешним целесообразностям жизни. Эта связующая нить душевных усилий отождествлялась автором с целевой разумной психической активностью усмирения гордыни и обращенности индивидуальной мотивации к эталонному существованию. Именно в таком ракурсе в эпоху средневековья проявлялась инициатива личностного саморегулирования, выражающаяся в повышении или понижении осознаваемого стремления человека к познанию Божественной истины. С позиции схоластики она выступала как некая напряженность духовной жизни с ее сложными поисками мировоззренческих конструкций, соотносящих индивидуальный опыт с опытом других людей в его приложении к субъективным представлениям о будущей Вечной жизни. То есть это был путь примирения человеческого разума с монотеистическим догматизмом и доступными знаниями об окружающем пространстве. И здесь стоит отметить, что личностная саморегуляция обращалась субъектом не к внешним проявлениям религиозных убеждений, а к внутренней мотивации, основными элементами которой являлись честь, долг и совесть, ведь честь отображала единение человека с другими людьми, долг – отношение человека к Богу, а совесть внутренне регулировала разнообразные личностные проявления в их подчиненности собственной высшей правде. Таким образом, посредством личностного саморегулирования человек имел возможность приобщения к духовной истине – смы-

словой опоре понимания сущности происходящего вокруг.

Наступление Ренессанса ознаменовало поворот к обозначению индивидуальности человека и расширило пути рационального истолкования его психологической сущности. На смену христианскому теоцентризму пришел возрожденческий антропоцентризм, и проблемы именно личности стали центром и целью всякого познания, акцентирующего внимание на духовных личностных началах. Под духовностью ренессансными философами понимался определенный «уровень развития и саморегуляции личностной зрелости, на котором основными ориентирами жизнедеятельности являлись высшие человеческие ценности» [5]. Из них на первое место выдвигалась способность различать Добродетель и Злонамеренность и поступать в соответствии с подобным различием. На второе – способность нести ответственность за собственные поступки. Различие Добра и Зла и умение всецело приближаться к первому считалось особым качеством, которое индивид приобретал самостоятельно в течение жизни посредством определенных внутренних усилий – личностной саморегуляции, наличествовавшей не во всех людях, а лишь в стремящихся избегать злонамеренных действий или ограничивать их разумно и целенаправленно.

Ярким представителем нового взгляда на природу этого явления стал Л.Б. Альберт, утверждавший, что в человеке имеются активные силы, способные удержать от превратности судьбы: «Терпит иго судьбы тот, кто привык ничего не делать для избегания неприятностей, и еще тот, кто не желает перекраивать судьбу по собственной мерке» [6].

Подобные идеи обогатил Д. Мирандола в философском труде «Речи о достоинстве человека», заметив: «Не даем мы тебе, о, Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел согласно своей воле и своему решению» [6]. Прославляя божественную мощь индивида, он подчеркивал роль личностной саморегуляции, связывая ее с этикой выбора вариантов совершенствования духовной природы человека. По его убеждению, тем ценнее была человеческая личность, чем более ее поведение соответствовало нравственным нормам, принятым в

обществе. Умение же соответствовать этим нормам оттачивалось индивидуально и опытным путем при посредничестве осознанного индивидуального внутреннего регулирования, а именно внешних инсинуаций умственной деятельности, воли и целеустремленности. Таким образом, отличительной чертой ренессансного представления о личностной саморегуляции являлось присутствие в человеке способности предвидеть некоторые будущие события, в разрезе которых доступными становились новые, отличные от прежних, способы разрешения жизненных задач.

На смену эпохе Возрождения пришло Новое время и внесло коренные изменения в объяснение личностной саморегуляции. Первые революционные наброски в этой области принадлежали Р. Декарту, согласно представлениям которого ее основополагающим элементом являлось мышление, вобравшее в себя не только мыслительные процессы, чувства и ощущения, но и осознанность происходящего как такового. По мнению автора, идеальная установка на мобилизацию психологических ресурсов предстоящей деятельности и причинная обусловленность выбора разнонаправленных тенденций, мотивов и целей человеческого существования и есть регулируемая величина личностных проявлений. Она не приводит человека к познанию объективных законов, но дает начала знаний об отдельных предметах и явлениях, поскольку сама является сгустком внутренней энергии большого количества людей и сущности их понимания окружающего мира. Учитывая, что достоверные знания об устройстве нервной системы были тогда ничтожны, он по-своему объяснил природу саморегуляции, полностью отменяя психику, как силу, придающую подвижность телу. Основные постулаты открытой им физиологической механики он спроецировал на схему устройства человеческого тела, которое отличается от обычных автоматов лишь умением обучаться и действовать по своим механическим законам, коих понимание позволяет индивиду властвовать над собственной сущностью. «Так как при некотором старании можно изменить движения мозга у животных, лишенных разума, то очевидно, что это еще лучше можно сделать у людей, чтобы люди со слабой душой могли приобретать

исключительную власть над своими страстями» [7]. Не усилие духа, а перестройка тела на основе строго причинных законов его механики обеспечивает человеку власть над природой внутренней и природой внешней. В своем произведении «Страсти души» Р. Декарт обозначил проект регуляционной машины тела и к основным ее функциям отнес восприятие идей, удержание их в памяти и внутренние стремления. «Я желаю, писал он, чтобы Вы рассуждали так, что эти функции происходят в машине в силу расположения ее органов и совершаются не более как движение часов или другого автомата» [7]. Этот поворот в понимании души обозначил новую веху в личностном регулировании человеком своей жизнедеятельности, где в качестве основной составляющей выступило сознание, на ту пору – начало всех начал в философии и науке. В таком разрезе действия, имеющие источник активности в самом человеке или осуществляемые по его решению, Р. Декарт называл произвольными и оставлял за индивидом возможность их выбора, осуществления или регуляции. Представления о детерминирующем поведении человека, побуждающем его к выбору цели, он эксплицитно отождествлял с процессами, участвующими в инициации и осуществлении задуманного – саморегуляцией личности, определяющей различные характеристики целенаправленного действия.

Великие мыслители эпохи Просвещения стремились избавиться от однобоких представлений о личности индивида и с помощью эмпирических изысканий обозначить совершенно иные истины ее организации. Наиболее ярко их высветил Д. Гартли в философском труде «Размышления о человеке, его строении, его долге и упованиях», расширив сферу психической жизни индивида включенностью в нее и бессознательных процессов. В «Размышлениях» он изложил некоторые догадки о рефлекторной природе поведения и его взаимосвязи с регулятивными возможностями психики, имеющими целью формирование идеального человека. Способность к осознанному действию определялась им как взаимосвязь чувственных побуждений, разума и рефлекторного подкрепления в разрезе затормаживания сигнала, с помощью которого страсти побуждают тело. «Представляется, что есть некая сила, подобная

желанию или отвращению, достаточно мощная, чтобы вызвать действие, не являющееся первичным или вторичным автоматически, а являющееся тем, что важнее всего в данный момент» [8, с. 187]. Оно не всегда возникает при виде желаемого предмета, иногда требуется желание действовать, определяемое стремлением, мотивами и причинами. Принятие желания совершается на основе размышления о свойстве предмета, действия, связанного с ним и существующей реальностью, принятой человеком после смены влечения к этому предмету или отвращения от него.

Саморегуляция личности, как «способность человека полагать начало или воздерживаться, продолжать или завершать какое-либо действие, соразмерное не только его желаниям, но и отточенное разумом» [6], определялась и английским просветителем-вольнодумцем А. Коллинзом, а также многими другими философами той поры, совершившими титаническую работу над созданием совершенно новой, позитивной, обращенной к человеку системы ценностей, отличающейся от предыдущих величайшим оптимизмом и верой в человеческую личность, как основу внутреннего бытия [6]. В таком ключе саморегуляция стала отражать самоопределение индивида, ориентирующегося на собственную природную сущность и рационально-естественную догму, выражающуюся в индивидуальном самопроизволении как разновидности оптимального способа функционирования.

В начале XIX в. в научной литературе стали доминировать иные подходы к организации человеческой личности, и теперь не механика, а физиология вдохновляла психологическое знание. Имея своим предметом человеческое тело, она превратила его в объект экспериментального изучения, руководствуясь принципом об анатомическом начале. Разнообразные функции, в т. ч. психические, исследовались в фокусе зависимости от строения органа и его анатомии, при этом умозрительные заключения предыдущих эпох физиология переводила на язык эмпирики. Отождествление саморегуляции с господствующим в сознании разумным желанием, порождаемым строго физиологическими причинами, отчетливо проступало в трудах позитивиста Г. Спенсера, отмечавшего: «Мы

говорим о чем-то добавочном к тому чувствованию или к тем чувствованиям, которые в данную минуту господствуют над всеми другими, между тем как на самом деле есть нечто простое, приравненное к тому чувствованию, которое приобрело в другую минуту верховное господство над остальными, чтобы определить то или иное действие» [9]. Саморегуляция личности позиционировалась им как природный психический механизм произвольной активности человека, призванный сохранять равновесие чувств и эмоций или преобразовывать их в более потребные с определенными нужными характеристиками и содержанием.

Подобные идеи были сформулированы в работах И.М. Сеченова, полагавшего, что саморегуляция, опосредованная сознанием человека, не нуждается в наличии особых психических образований и осуществляется определенными нервными центрами, связанными с сознательным отражением. Причину человеческих действий он усматривал в чувственных возбуждениях, мыслях и морали, придающих деятельности определенный смысл, при этом считая, что безличной холодной воли мы не знаем, тоже, что считается продуктом ее совместной деятельности, с чувствами и разумом может быть прямо выведено из последних и быть связано с регулирующей функцией психики. Такие его размышления явились своеобразным трамплином для обоснования разнообразных теоретических концепций саморегуляции, как вида психической активности и объективно наблюдаемого поведения человека. Их объединяющей идеей стала идея рефлекса, который может быть запущен, остановлен или модифицирован внешними раздражителями в соответствии с ожидаемым результатом. Новацией подобного подхода к саморегуляции личности явились закономерная и необходимая зависимость психических явлений от порождающих их причин, а также ведущая роль внутренней логики по отношению к внешним раздражителям.

XX в. продемонстрировал человечеству, что личность, как интегрирующее начало индивидуальности субъекта, вбирает в себя все реалии окружающего мира, в т. ч. цивилизационные, максимально динамичные и зачастую конфликтные. Острее всего динамизм и конфликтность Новейшего времени

отразились на отдельно взятом человеке, чья личностная организация оказалась не вполне готовой к отождествлению себя с небывалой энергией техники. В связи с этим в науку прочно вошло представление, что индивидуальное сознание не является свободным, способным познать истину мира, а управляется подсознательными, гораздо более мощными, чем сознание, силами биологического или социального порядка.

Открыв в человеке бессознательное, «как самостоятельное, независимое от сознания безличное начало человеческой души», самый известный психолог и психиатр XX в. З. Фрейд безапелляционно заявил, что «...это только иллюзия, будто нашей жизнью руководит наше «Я» [10, с. 428]. На самом же деле властвует природное безличное начало – «Оно», образующее бессознательную основу нашей души со средоточением в ней всех первичных влечений человека, сводящихся к двум основным – сексуальному желанию и влечению к смерти, которые, будучи обращенными во вне, становятся влечением к разрушению. З. Фрейд подчеркивал изворотливость бессознательного, проводящего в жизнь свои влечения, вуалируя их под сознательные решения «Я». То есть, по сути, он отказывал человеку в личностной саморегуляции, объясняя это неумолимыми устремлениями, сокрытыми за множеством масок, рационализирующими человеческие поступки и оправдывающими их мотивы слепым чувственным хотением.

Но позиционируемые психоаналитиками всеобщая разобщенность, тотальное отчуждение и абсурдность человеческого существования не затормозили исследования саморегуляции. М.Я. Басов, разработчик теории субъекта, в разных видах активной деятельности и общения при экспериментальном изучении психических функций личностной целостности отмечал, что власть личностных образований над душевными состояниями возможна лишь при наличии регулятивного фактора, которым она всегда обладает в действительности. По его мнению, регулятивная функция проявляется во внимании, которое есть акт регуляции, следовательно, восприятие, мышление, эмоции регулируются вниманием через изменение содержания сознания, т. е. через отвлечение внимания.

Подобные идеи были подхвачены Л.С. Выготским, рассматривавшим саморегуляцию человека в единстве с различными психическими процессами, в т. ч. функциями побуждения и выбора действий, где проблемой является не порождение действия, а овладение собой посредством использования внешних стимулов и намеренной организации среды, служащей нужному поведению. Оригинальным в ней является совокупность механизмов обратной связи, опосредованных характером высших психических функций, когда между воздействующим стимулом и реакцией человека возникает дополнительная связь, направленная «вовнутрь», т. е. не только на преобразование действительности, а сначала на преобразование других людей, а затем и на управление собственным поведением, абстрагированным произвольным контролем собственных психических операций.

Огромный вклад в развитие научных знаний на саморегуляцию внес А.Н. Леонтьев. Обосновывая критерии анализа развития психики в исследовании теории деятельности и выделяя в качестве стадий генезиса человеческого сознания элементарную сенсорную, а затем перцептивную и интеллектуальную психику, он привел убедительные доводы, свидетельствующие о том, что возникновение каждой из них, а также переходы от одной к последующей, были обусловлены существенными изменениями в жизнедеятельности живых существ, что само по себе повлияло на возникновение новых, более сложных форм психической ориентации и саморегуляции индивидуального личностного поведения, характеризующего процесс качественного изменения формы отражения действительности живыми существами и являющегося основной движущей силой этого диалектического процесса.

Серьезная заслуга в экспериментальной разработке данной проблемы принадлежит Б.Г. Ананьеву, обозначившему саморегуляцию как сложную организацию разнообразных контуров регулирования с многочисленной цепью звеньев и объектом регулирования, а также механизмами обратной связи, обеспечивающими постоянство регулируемой величины, объектом которой он сам и является.

Исследуя специфику совместной и коллективной деятельности и описывая меха-

низм процесса перестройки динамического стереотипа личности, С.Л. Рубинштейн в качестве одной из его составляющих обозначил саморегуляцию, отдавая таковой существенную роль в специфической активности сознания по отражению окружающего мира и выражению отношения к нему субъекта.

Саморегуляции посвятили свои работы К. Левин, Л.М. Веккер, В.К. Калинин, В.И. Селиванов, Г.Д. Луков и другие, уверенно связавшие это многомерное явление с личностью субъекта, благодаря чему в новую технологическую эпоху за ней вновь закрепилось свойство осознания универсальности характера жизненно-важных процессов и зависимости таковых от индивидуальных характеристик органической связи человека с природными основаниями жизни, т. е. личностная саморегуляция вновь обрела самостоятельность в качестве побуждающей силы к осознанному действию или разумному его ограничению, отражающему определенные потребности и социальные необходимости человека [11].

По мере усложнения представлений о различных феноменах психики в целом, саморегуляцию личности как управление собой при разнообразных внешних и внутренних раздражителях рассматривали М. Брихцин, Р.П. Рапохин, П.А. Рудик и Б.Н. Смирнов, зачастую отождествляя ее с эмоциональной устойчивостью и волевыми качествами, обеспечивающими успешную индивидуальную деятельность.

Поиск смысла жизни вкладывал в это понятие В.Е. Франкл, выставляя акцент на смысло-жизненные установки, способствующие преодолению собственного бессилия даже в самых неблагоприятных условиях, в т. ч. сопряженных с серьезными психотравмирующими факторами. По его мнению, регулируя, а затем преодолевая аффективные переживания, индивид становится способным к самоорганизации дальнейших действий по достижению цели. «Человек встает на определенную позицию не только по отношению к миру, но и к самому себе» [5].

Не обошел своим вниманием вышеобозначенную проблему и П.Я. Гальперин, позиционируя ее как ориентацию субъекта в ситуации моральной ответственности, ведущей к принятию обдуманного решения на

основе личностных ценностей и волевых усилий.

С мотивацией выбора и управления представлениями о процессе целеобразования саморегуляцию связывали Х. Аркес, Д. Гарске, Ю. Куль, Х. Хакхаузен и другие, рассматривая таковую с позиции самостоятельной силы, функционирующей на основе познавательных процессов, занимающих центральное место в ядре целостной личности, призванной управлять действительностью посредством собственного «Я».

В основу социально-психологической концепции личности В.А. Ядов заложил установочные или диспозиционные механизмы регулирования индивидом собственного поведения в конкретной ситуации, позволяющие реализовать индивидуальные потребности, где их высший уровень, а именно систему ценностных ориентаций, обеспечивает именно личностная саморегуляция [12].

Таким образом, благодаря более чем тысячелетней истории вопроса в XX в. личностная саморегуляция как фундаментальная проблема, возникшая на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин, заняла достойное место в системе научного знания, в котором предметом анализа стали не только собственно регулятивные процессы, но и функции, механизмы, приемы и способы саморегулирования личностных проявлений. Разнообразие и изобилие гипотез в выделении ее психической реальности не умолило, а лишь подчеркнуло феноменологию этого явления, вычленив проблемное и объективное информационное пространство, формирующее новые направления, концепции и положения, касаемые изучаемого предмета и ориентированные на дальнейшие теоретические обоснования и практический эффект.

1. *Абрамсон М.Л.* Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005.
2. *Асмус В.Ф.* История античной философии. М., 1968.
3. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 371-448.
4. *Евдокимов П.* Православие. М., 2004.
5. *Ярошевский М.Г.* История психологии: от античности до середины XX в. М., 2008.

6. Коллинз А. Философское исследование человеческой свободы // Английские материалисты XVIII в.: в 3 т. М., 1967. Т. 2.
 7. Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950.
 8. Коджаспирова Г.М. Педагогическая антропология. М., 2007.
 9. Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII вв. М., 2009.
 10. Фрейд З. Я и Оно // Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. М., 1989.
 11. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.
 12. Козлов В.В. Работа с кризисной личностью. М., 2007.
-
1. Abramson M.L. Chelovek ital'yanskogo Vozrozhdeniya. Chastnaya zhizn' i kul'tura. M., 2005.
 2. Asmus V.F. Istoriya antichnoy filosofii. M., 1968.
 3. Aristotel'. Sochineniya: v 4 t. M., 1976. T. 1. S. 371-448.
 4. Evdokimov P. Pravoslavie. M., 2004.
 5. Yaroshevskiy M.G. Istoriya psikhologii: ot antichnosti do serediny XX v. M., 2008.
 6. Kollinz A. Filosofskoe issledovanie chelovecheskoy svobody // Angliyskie materialisty XVIII v.: v 3 t. M., 1967. T. 2.
 7. Dekart R. Izbrannye proizvedeniya. M., 1950.
 8. Kodzhaspirova G.M. Pedagogicheskaya antropologiya. M., 2007.
 9. Sokolov V.V. Evropeyskaya filosofiya XV–XVII vv. M., 2009.
 10. Freyd Z. Ya i Ono // Freyd Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo: sbornik proizvedeniy. M., 1989.
 11. Ivannikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regulyatsii. M., 1998.
 12. Kozlov V.V. Rabota s krizisnoy lichnost'yu. M., 2007.

Поступила в редакцию 4.03.2015 г.

UDC 159.9

HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF PROBLEM OF SELF-REGULATION OF PERSONALITY

Marina Yurievna LEMESHENKO, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Competitor, Social Psychology Department, e-mail: lemechenko71@mail.ru

Historical and psychological analysis of literary sources concerning the investigated problem and allowing us to tell that self-regulation of personality was made – the concept formed for the accumulation of knowledge and philosophical initially limit of idea of a kind of inner strength of natural human ability to limit external natural inappropriate through the efforts of the soul. Medieval implicit knowledge was analyzed, identified with the target behavior as reasonable restraint of pride and the treatment of individual motivation to personal and shared ideas about future Eternal life. Summarized the Renaissance idea of the personal self regulation, the explicit knowledge of the New Age and the Age of Enlightenment, as well as knowledge of XIX, XX and XXI century, reflecting the development of the concept of self-regulation of personality went through three main stages: implicit (from antiquity to the Middle Ages), explicit (Renaissance, Modern Times and the Enlightenment) and reflective or potential (XIX and XX centuries).

Key words: inner being; individual mental activity; feedback mechanisms; psychological resource.